А. Д. Шопенко

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ КАК СЛЕДСТВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье рассматривается вопрос о специфике социальных рисков, связанных с переходом от планово-регулируемой к рыночной экономике. Отмечается, что сам процесс экономических и политических изменений содержал такие тяжелые деформации, которые сами стали причинами дополнительных социальных рисков, не характерных для стран с рыночной экономикой. На основе статистических данных анализируются демографические риски, риски безработицы, риски социальной дифференциации общества.

Ключевые слова: социальные риски, глобализация, социальная политика, социально-экономические трансформации.

A. Shopenko

SOCIAL RISKS AS A CONSEQUENCE OF ECONOMIC TRANSFORMATIONS

The features of social risks related to the transition from state-planned economy to market economy is regarded. It is stated that the process of economic and political changes contained such difficult deformations which caused additional social risks which are not characteristic for countries with market economy. Demographic risks, risks of unemployment, risks of social differentiation of society are analyzed on the basis of statistical data.

Keywords: social risks, globalization, social policy, socioeconomic transformations.

В России спонтанное изменение системы социальных рисков произошло в ходе социально-структурных реформ 1990-х годов. В этот период система социальных рисков, свойственная планово-административной экономике и идеократическим методам управления обществом, должна была смениться системой социальных рисков, присущей рынку, плюрализму и демократии. Сама по себе

эта смена, осуществляемая по инициативе государства, предполагала не столько разрушительную, сколько созидательную работу и государства, и иных субъектов гражданского общества. Граждане, трудовые коллективы, семьи, территориальные общности, работники и работодатели, предприниматели, собственники, выборные органы, органы исполнительной власти и иные структуры общественного организма шаг за шагом должны были пройти путь от положения управляемых административными методами объектов до полноценных субъектов социальной политики, демократически действующих и взаимодействующих на основе правового и экономического регулирования всех сфер хозяйственной жизни общества.

Демократический конституционный порядок и экономический механизм, реализуемый «невидимой рукой рынка», должны были стать гарантами нового типа организации российского общества, управляемого социально ориентированной государственной политикой, способной защитить народ от социальных рисков, присущих капиталистическому обществу.

Однако фактическое развитие было осложнено и деформировано.

Во-первых, — форсированием первоначального накопления капитала, выразившимся в разграблении государственной собственности, в поляризации общества по уровню жизни, в резком урезании реальных доходов населения, в бесправном положении трудящегося большинства, превратившегося из необходимых государству «строителей коммунизма» в никому (как показывает очередной экономический кризис) не нужных работников наемного труда.

Во-вторых, глобализационным характером реформ, при котором Россия вынуждена занимать то место в мировом экономическом хозяйстве, на которое способна претендовать ее экономика, сформировавшаяся не в конкурентной борьбе с другими экономиками развитых стран мира, а в условиях государственного заказа на любую изготавливаемую продукцию и соответственно обеспеченного спроса на нее независимо от ее качества или уровня соответствия критериям научно-технического прогресса. К сожалению, как показывает складывающаяся практика международных экономических отношений, это — место сырьевого придатка мировой экономики.

Такие тяжелые деформации сами стали причинами дополнительных социальных рисков, не характерных для развитых капиталистических стран (центров капиталистического мирового хозяйства). Такие риски правомерно называть социальными рисками особенного исторического происхождения. Их состав и существо предопределены устойчивыми отклонениями от нормальной ожидаемой исторической траектории для России как европейской страны, выходящей из исторического тупика тоталитаризма в пространство самостоятельного и, притом, демократического развития.

Отметим основные принципиальные отступления от закономерной логики демократических преобразований:

1) Шоковые методы реформирования ввергли большинство населения в тяжелейшее экономическое положение, поставили на первый план задачу по биологическому выживанию фактически ценой деградации всех сфер жизнедеятельности (труда, быта, досуга, общественной активности). Вместо становления человека, семьи, коллектива, территориальной общности как субъектов

гражданского общества получились углубление разобщенности, отчужденности от общества, возрастание враждебности и агрессивного индивидуализма. Массовое распространение стали получать явления асоциальные и антисоциальные. Оказался заблокированным основной фактор оздоровления общества, экономики и социально-трудовой сферы — возрастание гражданской активности, общественно полезной и социально эффективной инициативы, предприимчивости, самостоятельности, ответственности.

2) Государство, позиционирующее себя социальным государством в соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации, начиная с 1992 г. во многих случаях действовало прямо противоположным образом. Оно не выступило основным институциональным гарантом защиты большинства населения от социальных рисков, а само выступает источником основных социальных рисков (в этом вся суть шоковой модели реформирования).

3) Труд в значительной степени переместился в сферу незаконных и преступных занятий. Одновременно с формированием «хозяйственного двоевластия» (сосуществования и борьбы законного и теневого секторов) сформировались и два типа социально-трудовых отношений. В то время как в законном секторе экономики управление трудом в целом ряде аспектов деградировало, в теневом секторе сложилось свое особое управление трудом, разрушительное для общества и губительное для перспектив страны. Теневой рынок труда, теневой сектор приложения труда — не зародыш жизнеспособного нового, а конец нежизнеспособного старого состояния социально-трудовой сферы, причем конец, наступающий не в ходе развития, а как результат исторического регресса.

4) Подчинение реформ задаче форсированного первоначального накопления капитала не позволило поставить и начать решать коренную задачу демократизации социально-трудовых отношений — задачу формирования законности и правопорядка в трудовой сфере. В соответствии с интересами владельцев собственности, обладающих реальной экономической властью, государство в первые годы реформирования в значительной мере парализовало механизм правового регулирования. В результате этого при наличии достаточной правовой базы разрушился элементарный правопорядок, элементарная защищенность прав и свобод трудящихся. Возобновилось нечто схожее с рабством, хотя теперь оно осуществляется не под конвоем, а в виде вынужденной бесплатной работы [2, с. 361–363.].

Несколько лет благоприятной конъюнктуры на мировом нефтяном рынке дали передышку правительству и время для нормализации в социальной сфере.

Отсюда — объяснение существа происходящего в системе социальных рисков. Государство и наука замечают новые риски, проистекающие как будто при всяком капитализме, — безработица, бездомность, бедность части населения и т. п. Их очень значительная тяжесть (в сравнении с «западными странами») объяснима временными трудностями перехода к капитализму, неумением на первых порах эффективно работать по-капиталистически. Однако главным следует считать коренное различие — различие типов общественных обстоятельств, в которых возникают и существуют социальные риски и их конкретные формы.

Разнотипность общественных обстоятельств возникает из принципиального различия векторов общественного раз-

вития. Вектор, который ***представляется*** российским властям и науке как реализующийся, — это вектор выхода страны из тоталитаризма в семью развитых капиталистических стран — реципиентов результатов глобализации. На самом же деле ***реализуется*** вариант исторического развития с совершенно иным вектором — с вектором отбрасывания России на периферию капиталистического мира, в число зависимых и нещадно эксплуатируемых стран. В обстановке глобализационных реформ, отбрасывающих Россию в число зависимых стран на периферию мировой капиталистической системы, социальные риски укоренены не так, как в развитых частях этой системы. Если вглядеться пристально и по существу, применительно к конкретно-историческим обстоятельствам страны, то различия — качественные. Различия настолько значительны, что характер, казалось бы, схожих рисков оказывается разнотипным.

К примеру, типичные уровни и формы существования рисков безработицы и других обычных социальных рисков капитализма совершенно различны в моделях «осторожного» и «жесткого» капитализма, что обеспечивается различием систем социальной защиты. Но ни при «жестком», ни при «осторожном» капитализме в развитой части мировой капиталистической системы эти риски не приводят к массовой люмпенизации и деградации населения. На периферии же мировой капиталистической системы массовая деградация, люмпенизация, социальная сегрегация населения — явление непременное. На периферии капиталистической цивилизации целые страны и народы, большинство их населения подвержены риску исключения из прогрессивного развития, а порой — исключению из гуманистического подхода к правам человека. В России многие годы наблюдалась люмпенизация населения в массовых масштабах, деградация состава занятий, разрушение элементарных систем жизнеобеспечения (замерзание зимой целых городов, массовая пожароопасность и т. п.). Это есть тенденция ***нарастания рисков особого типа, связанных с переменой вектора развития от социального прогресса к социальному регрессу*** для большинства населения.

Этот новый для нашей страны тип социальных рисков нуждается не только в осознании, но в изучении и в выработке мер защиты от него как от риска необратимого нарушения национальной безопасности.

Ведущие специалисты в области уровня жизни и доходов населения, характеризуя социальные последствия рыночных реформ, отмечают интенсивную поляризацию общества по уровню материальной обеспеченности. Об этом свидетельствуют и данные Федеральной службы государственной статистики России (см. табл. 1).

В развитых странах капиталистического мира этот порог держится на уровне 4–5. Постоянно растущий и практически достигший семнадцатикратного уровня коэффициент дифференциации доходов может рассматриваться как угрожающий национальной безопасности: люди с высокими уровнями доходов в таком обществе практически обречены жить за высокими заборами.

Второй комплекс социальных проблем, возникших за годы рыночных реформ, который тоже может быть отнесен к кругу социальных рисков, связан с положением на рынке рабочей силы — с занятостью населения. В пореформенный период появилась и стала одной из

актуальнейших проблема формирования более или менее значительных контингентов граждан, не имеющих работы. Так, согласно современным данным Федеральной службы государственной статистики, состояние безработицы в Российской Федерации характеризовалось цифрами, представленными в табл. 2 [3].

Из данных табл. 2 видно, что численность безработных в России за последние годы не опускалась ниже 4 с лишним млн. чел., при этом только примерно одна треть из них были зарегистрированы в государственной службе занятости. Почти половину безработных составляют женщины, и около 40% — жители сельской местности.

Таким образом, с началом социально-экономических преобразований в России появился новый, практически не известный ранее вид социальных рисков — риск безработицы. Качественно новая ситуация достаточно длительное время стояла на периферии общественного сознания по принципу «этого не должно быть». Понадобилось практически 20 лет и возникновение тяжелого экономического кризиса для того, чтобы произошел качественный перелом и ситуация стала рассматриваться населением как реально существующая и серьезная угрожающая его благополучию.

Третий, не менее важный аспект социальных рисков в современном российском обществе связан с демографической ситуацией в стране: в России имеет место быстрое вымирание населения. В качестве подтверждения этого достаточно известного тезиса приведем современные данные по этому поводу (см. табл. 3).

Таблица 1

Индикаторы дифференциации доходов населения в РФ [4]

Показатель	***2000***	***2003***	***2004***	***2005***	***2006***	***2007***
Дефицит денежного дохода малоимущего населения, млрд. руб.	199,2	235,4	225,6	286,9	276,4	273,2
Коэффициент дифференциации доходов	13,9	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8

Примечание. Коэффициент дифференциации доходов характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами.

Таблица 2

Показатели безработицы в Российской Федерации на начало 2009 года

Безработные					***Потребность работодателей в работниках, заявленная в службу занятости на 01.01.2009***	
Общая численность по данным обследования населения по проблеме занятости			***Зарегистрированны в службе занятости на 01.01.2009***			
Тыс. чел.	В процентах к 2007 г.	В процентах к экономически активному населению	Тыс. чел.	В процентах к 01.01.2008	Тыс. чел.	В процентах к 01.01.2008
4 791	104,4	6,3	1521,8	98,0	894,7	79,4

Таблица 3

Показатели естественного движения населения России [5]

Естественное движение населения	***Тыс. чел. населения***		***2008 к 2007 году***		***На 1000 чел. населения***	
	2008	*2007*	*прирост — (+), снижение — (–), тыс.*	*в %*	*2008*	*2007*
Родившихся	1717,5	1610,1	+107,4	106,7	12,1	11,3
Умерших	2081,0	2080,4	+0,6	100,0	14,7	14,6
Естественная убыль	–363,5	–470,3		77,3	–2,6	–3,3

Демографическая ситуация в современной России является одним из самых «мощных» источников социального риска. Процесс вымирания населения России воспринимается во всех слоях общества как одна из главных опасностей для дальнейшего развития страны, как угроза самому факту ее существования. Практически во всех концептуальных документах, определяющих пути дальнейшего развития страны, ставится вопрос о необходимости кардинального улучшения демографических показателей [1].

Система дополнительных социальных рисков, связанных с деформациями при переходе от планово-административной к рыночной экономике, изучена пока что недостаточно полно и глубоко. Отдельные массовые проявления такого рода социальных рисков зафиксированы в России, начиная с 1990-х годов, среди них:

- невыплаты работодателями и государством начисленных доходов (зарплат, пенсий, пособий);
- регулярные конфискационные меры государства применительно к населению (инфляция, некомпенсированные девальвации, принятая схема отмены дотаций при оплате услуг ЖКХ);
- урезание социально-трудовых прав;
- недостаточный уровень социальных расходов;
- абсолютное обнищание значительных категорий населения;
- гипертрофированный теневой сектор;
- коррупция и т. п.

К перечисленному списку общероссийских рисков следует добавить специфические региональные риски, в частности:

- риски, возникающие из-за некомпетентности и ошибок региональных властей;
- медицинские риски, обусловленные качеством медицинской помощи;
- риски, связанные с отравлениями людей некачественным продовольствием;
- риски стихийных бедствий;
- экологические риски.

Специфической особенностью социальных рисков в России являются не только особенные источники их происхождения, связанные с конкретно-историческим этапом развития страны, но также и сами подходы к управлению той лавиной социальных рисков, которая буквально обрушилась на Российскую Федерацию в трансформационный период.

Детальный анализ обнаруживает целый ряд причин для формирования сис-

темы приоритетов в управлении социальными рисками в России:

1) ***Ограниченность ресурсов страны*** (материальных, трудовых, финансовых). Ресурсы, имеющиеся в распоряжении органов власти всех уровней и других социальных структур, либо весьма скромны, либо вообще отсутствуют. Например, основной объем муниципальных расходов идет не на минимизацию «хронических» рисков, а на защиту людей от тех или иных опасностей;

2) ***Дефицит специалистов.*** В России мало рискологов, аналитиков, экспертов и менеджеров по риску. Система высшего образования, факультеты подготовки кадров и повышения квалификации уделяют недостаточное внимание подготовке специалистов в области риска;

3) ***Высокий уровень рисков*** в России. В нашей стране многие факторы, характеризующие безопасность человека, находятся в области, закрытой для критики. В этом — одна из причин того, что весь зарубежный опыт управления риском едва ли можно непосредственно использовать в условиях современной России;

4) ***Дифференциация регионов*** России по экономическим, климатическим, экологическим, национальным и другим параметрам. Такое разнообразие делает невозможным разработку для всех регионов какой-то одной стратегии и тактики управления социальным риском. Риски, обычные для многих местностей и не сконцентрированные на одной территории, часто не рассматриваются в качестве серьезной проблемы;

5) ***Гносеологическая специфика*** социального риска. Например, риски, связанные с опасностями, которые получают сенсационное освещение в средствах массовой информации (террористические акции, ураганы, наводнения, аварии), обычно переоцениваются, в то же время риск хронических опасностей, влияющих на многих людей (курение, работа на компьютере, длительный просмотр телевизионных передач), недооценивается. Если, например, общественное мнение не осознает, что данная опасность содержит в себе значительный риск для здоровья людей, то это существенно затрудняет деятельность органов власти по снижению уровня данной опасности.

Определенная часть руководителей государственных и муниципальных органов власти в России, чиновники и политические деятели не обладают системными современными знаниями о безопасности, не понимают смысла концепции риска, слабо разбираются в ее содержании, функциях, возможностях. Органы власти нередко имеют либо недостоверную информацию, либо дефицит информации о рисках, которым могут подвергнуться конкретные группы населения.

В настоящее время социальная рискология начинает играть особо важную роль в рамках тех социально-экономических трансформаций, которым в настоящее время посвящены огромные усилия на всех уровнях общественной иерархии. Преобразования российского общества не только увеличили ряд традиционных социальных рисков (например, заболеваемость), но также принесли в жизнь страны неведомые ранее опасности (например, угроза дефолта). Специфика переживаемого страной периода ее развития требует более внимательно подойти к изучению специфических реформационных рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации // Российская газета. 2009. 20 марта; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р; Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300); Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2025 г. №1351).

2. *Ракитская Г. Я., Ракитский Б. В.* Социальные риски особенного исторического происхождения // Социальные риски в рыночной экономике и политика их смягчения. М., 2004. С. 361–363.

3. Российская газета. 2009. 13 марта.

4. http://www.gks. exe/Stg/d01/07-01.htm ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.

5. http://www.gks.ru/bgd/free/b09_00/IssWWW.exe/Stg/d01/7-0.htm

REFERENCES

1. Programma antikrizisnyh mer Pravitel'stva Rossijskoj Federacii // Rossijskaja gazeta. 2009. 20 marta; Koncepcija dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (utv. Rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 17 nojabrja 2008 g. № 1662-r; Koncepcija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 17 dekabrja 1997 g. № 1300); Koncepcija demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 9 oktjabrja 2025 g. №1351).

2. *Rakitskaja G. Ja., Rakitskij B. V.* Social'nye riski osobennogo istoricheskogo proishozhdenija // Social'nye riski v rynochnoj ekonomike i politika ih smjagchenija. M., 2004. C. 361–363.

3. Rossijskaja gazeta. 2009. 13 marta.

4. http://www.gks. exe/Stg/d01/07-01.htm ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.

5. http://www.gks.ru/bgd/free/b09_00/IssWWW.exe/Stg/d01/7-0.htm